

Сам Кратахвіл гаворыць пра тое, што сёння літаратура наблізілася да сваіх натуральных першасных крыніц. Ён вылучае новую тэндэнцыю ў развіцці сучаснай чэшскай літаратуры, якую называе “метафізічнай” і спалучае яе з такім спосабам нарацыі, які скарыстоўваецца, напрыклад, у Борхеса. Некаторыя чэшскія даследчыкі аналізуюць неафантастыку ў найноўшай чэшскай літаратуры і праводзяць паралель “Кратахвіл-Борхес-Чапэк”. Неафантастыка ў іх разуменні мае шмат агульнага з магічным рэалізмам, з наяўнасцю віртуальных рэчаў, сімулякраў і рызом. Мілан Кундэра ацэньвае прозу Кратахвіла як найбольшую літаратурную падзею чэшскай літаратуры пасля 1989 г.

А.Ю. Горбачев

ЧЕРЕДОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ ПЛАНОВ КАК ЧЕРТА СТИЛЯ ПОВЕСТИ В. РАСПУТИНА “ДЕНЬГИ ДЛЯ МАРИИ”

Для того чтобы исследовать чередование временных планов в повести Валентина Распутина “Деньги для Марии”, требуется соблюдение ряда предварительных условий. В соответствии с методологией целостного анализа [1] интересующую нас проблему следует рассматривать исходя из понимания художественного текста как многоуровневого иерархизированного информационного единства. С этой позиции стиль повести Распутина и чередование временных планов в ней необходимо анализировать в контексте их информационной управляемости стратегически значимым компонентом – образной концепцией личности, что в свою очередь требует обращения к мировоззрению писателя [1, с. 24–25], которое в конкретном произведении трансформируется в мировоззренческую позицию повествователя.

Повесть В. Распутина “Деньги для Марии” датирована 1967 г. Характерной чертой ее стиля является один из элементов архитектоники произведения – чередование временных планов. Оно позволяет постоянно расширять пространство повествования, особенно его фабульную составляющую, которая организована в сюжет при помощи кольцевой композиции (событийной структуры), переходящей в открытый финал.

Антропологический тип, запечатленный в творчестве В. Распутина и воплощающий мировоззренческий идеал писателя, является психико-телесным, или ментально женским типом. Его многочисленные социально-

психологические разновидности представлены в образах людей из народа, простых тружеников, русских патриотов, праведников, знаменитых распутинских старух и т. д. “Душевное”, женское начало – определяющее для мировоззрения и творчества писателя. Не удивительно поэтому, что повесть “Деньги для Марии” проникнута идеей о тотальном доминировании этого начала в духовном космосе человека и его отношениях. Такое представление о духовности влечет за собой социоцентрическую форму организации внутреннего мира персонажей и отношений между ними.

Фабульная основа произведения проста. Заглавная героиня, повинувшись чувству коллективизма, согласилась работать продавцом сельского магазина, хотя надлежащих профессиональных качеств у нее не было. Привыкнув доверять людям, Мария получала товар без сверки с накладными и не заметила образовавшейся крупной недостачи. В короткий срок следовало вернуть деньги в государственную казну, иначе героине грозило тюремное заключение. Односельчане, которым послужила Мария, не захотели ее выручить. Осталась последняя надежда на мужа и его родственников.

Сюжетное воплощение этой коллизии опосредовано чередованием временных планов. Время действия повести “Деньги для Марии” распадается на настоящее и прошедшее. События, которые для персонажей разворачиваются в настоящем, регулярно перемежаются ретроспекциями повествователя. (Заметим, что будущее у традиционалиста и консерватора Распутина если и бывает предусмотрено, то ничего хорошего ни для повествователя, ни для персонажей не предвещает и, как правило, сопряжено с апокалиптическими предзнаменованиями).

Приоритетное положение женского начала в повести очевидно. Однако его главным воплощением становится не Мария, которой отведена страдательно-пассивная роль, а ее муж Кузьма. Его образ является сюжетообразующим, преимущественно с его поступками и переживаниями связано чередование временных планов. Кузьма действует по женской экзистенциальной программе и в тактическом, и в стратегическом отношении: и тогда, когда восполняет недостаток воли к спасению у жены, пытаясь решить созданные ею проблемы, и тогда, когда преодолевает трудности, привычно полагаясь не на разум, а на чувства, т. е. на женский духовный ресурс.

Прошедшее и настоящее в повести “Деньги для Марии”, сменяя друг друга, сопоставляются, а всякое сопоставление, как известно, представляет

собой противопоставление, ведущее к обнаружению противоречий. Что же в нашем случае дает сравнение двух временных планов?

Во-первых, обращает на себя внимание существенная количественная разница. Приблизительно две трети текстового объема занимает повествование о минувших событиях и лишь одна треть – о текущих. Кроме того, настоящее время в повести представлено в единственном варианте, а прошедшее – в нескольких. Это и недавнее прошедшее, которое непосредственно относится к фабульной основе произведения, и прошедшее, отдаленное от момента повествования на несколько десятилетий, а также самое заветное для повествователя прошедшее – легендарное, мифическое, уходящее во тьму веков, в котором происходило формирование и укрепление народных традиций. Оно, максимально отстоящее от современности, структурирует духовный контекст повествования.

Во-вторых, количественные диспропорции между временными планами имеют более важную – качественную, содержательную сторону. Превалирование прошедшего над настоящим в повести “Деньги для Марии” связано и с апокалиптичностью мировоззрения писателя, и с ключевой для распутинского творчества проблемой исторической памяти. В анализируемом произведении трагично и то, что было, и то, что есть, однако настоящее безысходнее, поскольку в нем, по мнению повествователя, происходит окончательный разрыв с вековыми национальными традициями. Об этом разрыве говорит дед Гордей, в соответствии с преклонным возрастом наделенный народной (высшей для Распутина) мудростью: “Когда у нас раньше бывало, чтоб деревенские друг дружке за деньги помогали? ... А теперь все за деньги. ... Работают за деньги и живут за деньги. Везде выгоду ищут – ну не стыд ли?” [2, с. 61].

Позиция повествователя, несмотря на укорененность ее постулатов в русской литературе, грешит односторонностью. Народная традиция в повести “Деньги для Марии” трактуется догматически, как не подлежащая обсуждению данность. Выступая передатчиком почвеннического коллективного бессознательного, Распутин ни разу не посягает на священность традиции, ни разу не говорит о необходимости обновлять, корректировать ее и приспособлять к изменяющейся действительности. И поэтому предлагает только один путь: новые поколения должны следовать заветам и обычаям предков. По сути, писатель не желает замечать ту закономерность, что с ходом истории

сохраненная в неизменности традиция ветшает, превращаясь в анахронизм и тормоз развития человека и общества.

Магистральный пафос повести выражен в укоре повествователя соотечественникам и современникам за то, что они забыли об отзывчивости, сочувствии друг другу, взаимопомощи и поддержке. Заметим: все это – социоцентрические ценности, в системе которых личности надлежит стоять на страже общих интересов и только. Идеал повествователя патриархален, поэтому не случайно именно деньги, атрибут наступающей цивилизации, объявлены в повести олицетворением зла и главной угрозой существованию русской духовности.

Между тем, носители этой духовности в произведениях Распутина неизменно становятся жертвами собственного недомыслия, которое автор склонен списывать на козни злых людей и анонимных общественных сил. Простительное и даже способное вызвать умиление в патриархальных условиях, такое недомыслие при исторически неизбежном усложнении жизни становится источником человеческих трагедий, иначе говоря, пороком.

В повести “Деньги для Марии” заглавная героиня берется за работу, руководствуясь исключительно благими намерениями и не задумываясь о том, что ее профессиональная некомпетентность может легко обернуться бедой. Когда же беда пришла, Мария рассчитывает на помощь мужа и добрых людей, а сама предается жертвенным стенаниям и мистическому мракобесию [2, с. 37–38]. Неоспоримо право человека вести себя подобным образом, равно как и право писателя говорить о любых персонажах. Но для Распутина Мария – этический идеал, что, на наш взгляд, является апологетикой не самых лучших черт духовности.

Повествователь убежден, что “доброта человеческая ... родом из деревни” [2, с. 79], и поэтому особенно ценит своих персонажей, способных подтвердить этот постулат. Между прошлым и настоящим, сновидениями и суровой реальностью находится муж Марии Кузьма, самоотверженно бросающийся на защиту жены и семьи. Правда, о том, почему его семейно-родственная забота не проявилась раньше – в тот момент, когда супруга принимала опрометчивое решение идти торговать, в повести не прояснено. Вместо поиска ответов на непомерно сложные вопросы повествователь занят оттачиванием художественного мастерства. Чередуя временные планы, он постоянно сближает их вплоть до полной синхронности, которая достигается в финале. Прошедшее с каждой страницей подтягивается к настоящему, пока не смыкается с ним.

Виртуозность этого рода подтверждает правоту афоризма: поверхностность мышления придает блеск стилю.

Едва установившаяся монополия настоящего готова перерасти в будущее, однако здесь Распутин ставит точку. Главный герой замирает у двери, за которой – тревожная неизвестность: “Сейчас ему откроют” [2, с. 114]. Открытый финал повести, не давая простора будущему, еще сильнее акцентирует значимость прошлого.

Мы можем сделать вывод о том, что чередование временных планов в повести “Деньги для Марии” представляет собой не только стилевую черту, присущую этому тексту и творческой манере Распутина, но и на своем уровне отражает сущностные особенности мировоззрения писателя, а также содержательную глубину произведения. Отсюда вытекает, что исследование художественного стиля и любого из его компонентов, изолированное от контекста целостности и прежде всего от концептуальной основы литературного произведения, обречено стать незавершенным.

Литература

1. Андреев А.Н. Целостный анализ литературного произведения. Минск, 1995.
2. Распутин В.Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М.: Молодая гвардия, 1994.

М.М. Казлоўская

ЖАНР ТРАГЕДЫЎ ТВОРЧАСЦІ Ф. АЛЯХНОВІЧА І Ю. О’НІЛА

Трагедыя з’яўляецца адным з самых старажытных жанраў еўрапейскага тэатра. Тэарэтычная распрацоўка жанру пачалася ў “Паэтыцы” Арыстоцеля і працягвалася ў кожным значным даследаванні драматычнага мастацтва. Літаратурны канон, аформлены антычным філосафам, з невялікімі зменамі праіснаваў да XVIII ст., калі класічная трагедыя пачала выцясяцца трагедыяй дамашняй, альбо мяшчанскай драмай, што прывяло да “смерці” жанру ў літаратуры XX ст. Падзенне нарматыўнай паэтыкі класіцызму з жорсткімі жанравымі і стылёвымі межамі спрычыніла значную трансфармацыю канона трагедыі. У драматургічных творах трагічнае ўсё часцей стала спалучацца з камічным і драматычным.